

А. А. ФУРСЕНКО

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДОКТРИНЫ ХЭЯ

Доктрина Хэя или, как ее иначе называют, доктрина «открытых дверей» по праву считается одним из основных принципов внешней политики США. Вполне естественно поэтому, что истории возникновения и трактовке этой доктрины в американской историографии посвящены многие страницы и специальные работы, а вопрос этот не утратил своей актуальности и по сей день.

Более пятидесяти лет тому назад, осенью 1899 г., государственный секретарь США Хэй обратился с дипломатическими нотами к великим державам, в которых предлагал соблюдать в Китае принципы «открытых дверей». Это было время, когда феодальная Маньчжурская империя в результате натиска империалистических государств, претендовавших на установление своего господства над целым рядом областей и районов Китая, стояла перед перспективой полного распада. Раздел Китая противоречил американским интересам, и демарш США был рассчитан на то, чтобы помешать осуществлению планов европейских империалистов.

Однако, используя этот факт, американская буржуазная историография стремится доказать, что политика США в Китае носила особый характер, принципиально отличный от политики других держав.

Идеализация мотивов и целей провозглашения доктрины «открытых дверей», стремление показать «исключительный», неколониальный характер политики США в Китае — все это имеет прямое отношение к получившим широкое распространение в современной Америке попыткам создать теорию особого, «исключительного» характера капитализма США. Подобно тому, как в области внутренней истории представители модного и, кстати сказать, щедро финансируемого Уолл-стритом направ-

ления по изучению истории бизнеса стремятся представить возникновение и развитие монополий как различные стадии промышленного прогресса США, затушевывая тем самым паразитические свойства американского монополистического капитала, точно так же в области внешнеполитической истории изображение в идеализированном свете прошлого, в частности — происхождения доктрины «открытых дверей», служит целям исторического обоснования и оправдания современной американской экспансии.

Первоначально американские буржуазные историки утверждали, что, выступая с доктриной «открытых дверей», США не исходили из каких-либо корыстных побуждений и что американские деловые круги не были заинтересованы в китайском рынке. Эта точка зрения является ровесницей самой доктрины и имеет широкое распространение в американской историографии до сих пор. Один из ее представителей, Оверлач, автор опубликованной в 1919 г. и получившей широкое признание на Западе работы о финансовом контроле иностранных держав над Китаем, характеризуя политику США, доказывал, что в отличие от других держав, действия Соединенных Штатов основывались на началах «бескорыстия» (unselfishness).¹ То же самое говорится и в опубликованной в 1947 г. книге профессора Мичиганского университета Дюмонда, утверждавшего, что США «оставались в стороне» от «битвы за концессии».²

Дюмонд и его соавторы — профессор Оклахомского университета Дейл и профессор университета Миннесоты Уэсли, — в вышедшем годом позже учебнике писали, что «Соединенные Штаты не принимали никакого участия в борьбе за контроль над природными ресурсами, транспортом и торговлей Китая».³ Стремясь обосновать этот тезис, Дюмонд утверждал, что и в принципе монополия на право эксплуатации минеральных ресурсов и на средства транспорта, равно как и вообще монополия на капиталовложения, «считались чуждыми американским интересам».

Известный американский историк Деннет, автор целого ряда работ по дальневосточной политике США, ныне заведующий архивом Госдепартамента, стремится доказать, что американская политика, «коренным образом» отличаясь от политики европейских держав и Японии, не была результатом «мнения какого-

¹ T. W. Overlach. Foreign Financial Control in China. N. Y., 1919, p. 196.

² D. L. Dumond. America in our Time (1896—1946). Ann Arbor, 1947, p. 111.

³ D. L. Dumond, E. E. Dale, E. B. Wesley. History of the United States. Boston, 1948, p. 629.

либо одного лица» и не зависела от какой-либо «планирующей организации или группы». Деннет утверждает, что политика США определялась американскими представителями в Азии, Госдепартаментом или президентом и в отдельных случаях Конгрессом США «в ответ на требование народа»; при этом он не оставляет места для влияния американского капитала, определяя цель выступления с доктриной «открытых дверей» лишь как средство поддержания традиционных принципов внешней политики США.⁴ Аналогичную оценку встречаем мы и в работах одного из ведущих американских специалистов по истории внешней политики Соединенных Штатов Томаса Бейли, по словам которого в своей дальневосточной политике США «были в большей степени озабочены защитой международного права, чем получением долларов и центов».⁵

Доктрина «открытых дверей», действительно, заключала в себе известный элемент традиции и ставила задачей закрепить определенные международно-правовые институты, но все это не было самоцелью, а должно быть отнесено к методам проведения политики США в Китае, в конечном итоге определявшейся более всего заботой о «получении долларов и центов».

Многие авторы, констатируя заинтересованность американского капитала в Китае, его влиянию на дальневосточную политику США отводят второстепенную роль. Примером может служить опубликованная в 1938 г. монография нынешнего ректора Иэльского университета Грисуолда, которую считают в США одним из первых обстоятельных исследований по вопросу о происхождении доктрины «открытых дверей». Грисуолд отмечает внимание деловых кругов США к Китаю, однако ограничивается в этой связи лишь кратким упоминанием, а все внимание сосредоточивает на вопросе о подготовке текста дипломатических нот, провозглашавших доктрину. Основываясь на впервые широко им использованном архиве американского дипломата Рокхилла и, в частности, на переписке Рокхилла с чиновником Китайских морских таможен англичанином Хиппсли, в ходе которой родилась формулировка доктрины «открытых дверей», Грисуолд делает вывод о британском происхождении политики «открытых дверей» и в целом активизацию внешней политики США на рубеже XIX—XX вв. приписывает в значительной мере влиянию Англии.⁶ В этом отношении Грисуолд тесно смыкается с Бейли, который в заключение раздела о переписке Рок-

⁴ T. Dennett. *Americans in Eastern Asia*. N. Y., 1941, p. 674.

⁵ T. Bailey. *Diplomatic History of the American People*. 5th ed., N. Y., 1955, p. 940.

⁶ A. W. Griswold. *The Far Eastern Policy of the United States*. N. Y., 1938, p. 9—10, 34.

хилла с Хипсли, на том основании, что предложения Хипсли о соблюдении принципа «открытых дверей» в торговле с Китаем включены были Рокхиллом почти без изменений в проект дипломатических нот Хэя державам, пишет: «Таким образом, англичанам удалось склонить Соединенные Штаты к политике, благоприятной их интересам в Китае».⁷

К сторонникам «английского» происхождения доктрины «открытых дверей» относится и известный американский историк, профессор Йельского университета С. Бемис. Но, в отличие от Бейли и Грисуолда, Бемис считает решающим не участие Хипсли в формулировании доктрины «открытых дверей», а предложение, сделанное правительству США английским правительством в марте 1898 г. через его посла в Вашингтоне Паунсефота о совместных действиях двух держав в Китае. В своей книге «Дипломатическая история Соединенных Штатов» Бемис выступает как сторонник изоляционизма, он отмечает, что активизация дальневосточной политики США и, в частности, провозглашение доктрины «открытых дверей» было «грубой ошибкой», что этого не требовали интересы Америки, так как заинтересованность американского капитала в китайском рынке была ничтожной, и поэтому инициатива Англии сыграла решающую роль. По мнению Бемиса, политика «открытых дверей» была «более британской, чем американской политикой». Он указывает, что так же, как это было в 1823 г., когда в результате английской инициативы последовало провозглашение доктрины Монро, так и теперь предложение английского кабинета послужило перчаточком для провозглашения доктрины «открытых дверей».⁸

Действительно, и в том, и в другом случае, причем в первом много больше, чем во втором, английское предложение в какой-то мере стимулировало выступление США. Бесспорно и то, что цель, которую преследовала своими действиями британская дипломатия, заключалась в том, чтобы придать предлагаемым ею акциям желательное для Англии направление, изменив соотношение сил в первом случае в Латинской Америке, а во втором — в Китае в свою пользу. Но известно, что в том и в другом случае правительство США пошло самостоятельным путем и придало своим действиям такой смысл и характер, что они оказались в противоречии с замыслами британской дипломатии.

Бемис, а в равной мере Грисуолд, Бейли и некоторые другие историки, сводя происхождение доктрины «открытых две-

⁷ T. Bailey, *ук. соч.*, стр. 527.

⁸ S. F. Bemis. *Diplomatic History of the United States*. N. Y., 1955, p. 482—485, 487.

рей» к английской инициативе, умаляют значение того факта, что доктрина эта отвечала прежде всего собственным интересам американского капитализма и его политике экспансии.

С другой стороны, важно подчеркнуть, что за последние годы в американской историографии заметно возрос интерес к экономической подоплеке доктрины «открытых дверей» и появились работы, открывающие собой новый этап в изучении данного вопроса. В 1941 г. была опубликована статья Чарльза Кемпбелла «Американские деловые интересы и доктрина „открытых дверей“ в Китае», а через 10 лет, в 1951 г., вышла его монография «Частные деловые интересы и политика „открытых дверей“». Работы Кемпбелла впервые ввели в оборот значительный архивный, ранее неизвестный материал о влиянии заинтересованных в эксплуатации Китая деловых кругов на дальневосточную политику Госдепартамента. Приведенный Кемпбеллом материал показал, что важнейшим мотивом выступления США с доктриной «открытых дверей» была их экономическая заинтересованность в китайском рынке; что деловые круги оказывали постоянное давление на правительство США, требуя активизации политики на Дальнем Востоке; что давление это сплошь и рядом носило характер повседневного контроля за действиями правительства и руководства его действиями.⁹

Появление работ Кемпбелла явилось результатом развития тенденций, которые имелись уже в опубликованных в 30-х годах монографиях известного специалиста по дальневосточной политике США профессора Принстонского университета Фостера Ри Даллеса и профессора университета в Буффало Джулиуса Пратта.¹⁰ В свою очередь подкрепленные данными Кемпбелла, опубликованные в 50-е годы работы этих авторов делают дальнейший шаг по пути развития нового направления в трактовке происхождения доктрины «открытых дверей».

В отличие от Грисулда, Бемиса и тех американских историков, которые разделяют их концепцию, Кемпбелл и его единомышленники подчеркивают, что политика «открытых дверей»

⁹ См.: Ch. S. Campbell. 1) American Business Interests and the Open Door in China. «The Far Eastern Quarterly», v. 1, № 1, 1941, November; 2) Special Business Interests and the Open Door Policy. New Haven, 1951.

¹⁰ F. R. Dulles. America in the Pacific. Boston—N. Y., 1937; J. W. Pratt. Expansionists of 1898. Baltimor, 1935. Серьезное влияние на разработку вопроса о деловой подоплеке доктрины «открытых дверей» оказал также немецкий социал-демократ Вагтс, эмигрировавший в 1933 г. в США и выпустивший там в 1935 г. двухтомную монографию (A. V a g t s. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik. N. Y., 1935).

была американской, а не английской политикой, и что она полностью «отвечала национальным интересам» США.¹¹

В этом есть несомненная «дань времени» и, в частности, тому факту, что после второй мировой войны усилились претензии США на мировое господство. Подобные мотивы в особенности могут быть понятны в отношении Кемпбелла, который в течение многих лет находился на службе в Госдепартаменте. Вместе с тем в появлении работ указанного направления нельзя не видеть и элемент вынужденности, как вследствие общих успехов марксистской экономической теории, оказывающей влияние на буржуазную историографию, так, в частности, и в результате конкретных исследований советских историков Б. А. Романова,¹² А. В. Канторовича¹³ и др., которые на основе большого документального материала по-новому осветили вопрос об экспансии американского империализма в Китае. С этим уже нельзя было не считаться, и американская буржуазная историография взяла на себя задачу дать свою трактовку по указанным вопросам. Об этом недвусмысленно свидетельствуют ссылки и характер использования материала советских исследователей в американской литературе и, в частности, в работе Кемпбелла.

Акцентируя внимание на экономической заинтересованности Соединенных Штатов в китайском рынке, Кемпбелл и его единомышленники используют это для обоснования американских претензий в отношении Китая, как аргумент исторической неизбежности, своего рода предопределенности американской экспансии. Не отрицая того, что политика США на Дальнем Востоке носила империалистический характер, они стремятся, однако, доказать, что американский империализм носил особый характер, в корне отличаясь от империалистической политики европейских стран. Примером может служить опубликованная в 1951 г. работа Пратта «Колониальный опыт Америки», получившая известность как наиболее откровенная апология империализма США.

«Нет никаких причин, почему американцы, — пишет Пратт, — должны были бы испытать чувство стыда за свой опыт империализма. Они вступили на путь империализма по различным мотивам — экономическим, стратегическим и благотворительным». Пратт утверждает, что «народы примитивной и отсталой культуры» «нуждаются в опекунах», для того, чтобы «направлять и руководить их развитием». Он стремится доказать, что

¹¹ F. R. Dull es. *America's Rise to World Power. 1898—1954*. N. Y., 1955, p. 63—64; J. W. Pratt. *History of the United States Foreign Policy*. Prentice Hall, 1955, p. 439—440.

¹² Б. А. Романов. *Россия в Маньчжурии*. Л., 1928.

¹³ А. Канторович. *Америка в борьбе за Китай*. М., 1935.

американская политика «имела постоянно своей целью материальный и духовный прогресс колониальных народов и развитие их способностей к самоуправлению», так что «в целом американский империализм был благотворительным».¹⁴ Положения эти развиты и дополнены Праттом в его последней изданной в 1955 г. книге «История внешней политики Соединенных Штатов». В предисловии к этой книге Пратт перечисляет сформулированные им основные принципы внешней политики США: «...расширять национальные границы в интересах безопасности, мореплавания и торговли, расширять территорию для растущего населения и распространения демократии», «защищать права и содействовать интересам американских граждан в торговле и капиталовложениях за границей, защищать торговлю на морских коммуникациях в мирное и военное время и, как частное применение этого направления в XIX в., открыть Дальний Восток для американской торговли и американского влияния...».¹⁵ Такова принципиальная основа, на которой Пратт строит толкование доктрины «открытых дверей».

Пратт подчеркивает заинтересованность американского капитала в китайском рынке, но это не мешает ему выводить доктрину из политики раздела, проводившейся европейскими державами в Китае.¹⁶ Между тем провозглашение доктрины «открытых дверей» прежде всего органически вытекало из борьбы самого американского капитала за китайский рынок, определялось ходом и результатом этой борьбы. Поэтому раздел Китая на «сферы влияния» — это всего лишь одна сторона в причинах провозглашения доктрины «открытых дверей». Односторонним, или во всяком случае преувеличенным показом этих причин Пратт уводит читателя на тот же самый путь, что и те, кто отрицает заинтересованность американского капитала в китайском рынке, ибо при такой постановке Соединенным Штатам отводится роль, хотя и заинтересованной в эксплуатации Китая, но пассивной стороны. Неслучайно в связи с этим и то, что из изложения Пратта выпал ряд кардинальных фактов, относящихся к собственно американской экспансии в Китае в 1895—1898 гг., в частности, факты прямого участия Соединенных Штатов в «битве за концессии» как в области борьбы за железнодорожные концессии и торговые привилегии, так, в особенности, и попытки получить военно-морскую базу на территории Китая. До недавнего времени было известно из опубликованной

¹⁴ J. W. Pratt. *America's Colonial Experiment*. Prentice Hall, 1951, p. 2—3.

¹⁵ J. W. Pratt. *History of the United States Foreign Policy*, p. 4.

¹⁶ Там же, стр. 362—363, 434. F. R. Dull. *China and America*. Princeton, 1946, p. 99.

в 1915 г. Государственным департаментом документации лишь о попытке США в 1900 г. получить военно-морскую базу Самса на побережье провинции Фуцзянь. В 1944 г. была опубликована статья Ливермора «Американская политика в отношении военно-морских баз на Дальнем Востоке», основанная на неизданных материалах Морского министерства.¹⁷ Из этой статьи стало известно, что в 1898 г. правительство США планировало захват военно-морской базы на побережье Северного Китая. Показательно, что Пратт, упоминая о базе в Самсе, ни слова не говорит о планах 1898 г. Необходимо отметить, что данные Ливермора не нашли никакого отражения и в других новейших трудах, посвященных истории внешней политики США, — в монографиях Бейли, Даллеса и Бемиса. Трудно поверить, чтобы статья Ливермора, опубликованная в американском журнале более 15 лет тому назад, осталась неизвестной в Америке; поэтому остается предположить, что авторы указанных работ просто оставляют в стороне факты, не соответствующие их схеме.

Важнейшим событием дальневосточной политики США в конце XIX в. была испано-американская война 1898 г., в результате которой США захватили Кубу и находящиеся на подступах к Китаю Филиппинские острова. Захват Филиппин и превращение их в военно-стратегическую базу США непосредственно предшествовали провозглашению доктрины «открытых дверей». В угоду поставленным перед собой целям Пратт отрицает значение захвата Филиппин как последовательного акта дальневосточной политики США, доказывая, что только в результате приобретения Филиппин США стали державой, заинтересованной в азиатских делах, и уже это побудило их выступить с доктриной «открытых дверей».¹⁸ Показательно, что в трактовке данного вопроса Пратт смыкается не только со своим единомышленником Даллесом,¹⁹ но и в полной мере с Грисуолдом²⁰ и Бемисом.²¹ Для оценки этого события принципиально важным является умалчиваемый Праттом факт, что захвату Филиппин предшествовало обсуждение проектов о приобретении военно-морской базы на территории Китая, а также и то, что захват этот непосредственно примыкал к аналогичным по существу акциям европейских держав, в результате которых они обеспечили себя военно-морскими базами на территории Китая.

¹⁷ S. W. Livermore. American Naval Base Policy in the Far East (1850—1914). «Pacific Historical Review», v. XIII, № 2, 1944, June, p. 117—118.

¹⁸ J. W. Pratt. History of the United States Foreign Policy, p. 434.

¹⁹ F. R. Dulles. America's Rise to World Power, p. 62—63.

²⁰ A. W. Griswold, ук. соч., стр. 23, 35.

²¹ S. F. Bemis, ук. соч., стр. 479—482.

В свое время В. И. Ленин, конспектируя книгу французского историка Патуйе, отмечал, что «Филиппины — шаг к Азии и Китаю».²² Именно в этом и заключался смысл захвата Филиппин. Это был сознательный и преднамеренный шаг американского империализма, заранее подготовленная и обдуманная, как это документально доказано, акция. Пратт ставит вещи с ног на голову, когда объясняет захват Филиппин не стремлением США обеспечить себе военную базу на подступах к Китаю и тем самым гарантировать свои интересы на Дальнем Востоке, а наоборот, захват Филиппин он рассматривает, как причину американского интереса к Дальнему Востоку.

Если в работах Кемпбелла и Пратта мы находим свидетельства нового подхода к вопросу о происхождении доктрины «открытых дверей», в связи с усилением внимания к экономическим факторам, то в целом в оценке общих принципиальных мотивов их позиция мало чем отличается от ранее утвердившейся в литературе трактовки. Прежде всего это относится к принципиальной оценке места экономических предпосылок в активизации американской экспансии в 90-е годы XIX в. «Необходимо особо подчеркнуть тот факт, — пишет Пратт, — что причины, определившие новый экспансионизм, были, главным образом, интеллектуальные и эмоциональные, а не экономические...». Это свое положение Пратт обосновывает антивоенными настроениями среди значительной части деловых кругов, тем, что «большинство не было убеждено в необходимости колоний» и что только весна и лето 1898 г., принесшие изменения в международную обстановку, убедили американские деловые круги в экономической выгодности колониальных владений.²³ Говоря об интеллектуальных и эмоциональных причинах, акцент на которые нетрудно заметить не только у Пратта, но также у Даллеса, Бейли и Грисуолда,²⁴ следует подчеркнуть, что здесь речь идет, с одной стороны, об идеологической кампании, поднятой экспансионистами, а с другой, об отношении общественного мнения США к освободительному движению в испанских колониях. «...Необходимой предпосылкой для принятия любой программы колониальной экспансии, — пишет Пратт, — должна

²² В. И. Ленин, Соч., т. 39, стр. 186.

²³ J. W. Pratt. 1) *America's Colonial Experiment*, p. 36—37; 2) *Expansionists of 1898*, Chapter VII.

²⁴ F. R. Dulles. *China and America. The story of their relations since 1784* Princeton, 1946, p. 103; T. A. Bailey, ук. соч., стр. 515—518; A. W. Griswold, ук. соч., стр. 8—9.

была явиться радикальная перемена в позиции американского народа».²⁵

Действительно, вплоть до весны 1898 г. значительная часть деловых кругов США была оппозиционно настроена к возможным военным столкновениям на международной арене и, в частности, к войне с Испанией. Но это объяснялось не отсутствием экономической заинтересованности в колониальных владениях, а боязнью, что война нарушит начавшийся тогда подъем в американской промышленности, и опасением, что США еще недостаточно подготовлены к выступлению на международной арене.

Центральное место в объяснении причин испано-американской войны Пратт отводит пропаганде, которую вела в пользу империалистической политики группа экспансионистов, объединявшая Рузвельта, Лоджа, Мэхэна и др., а также кампании, которую подняла по поводу «испанских ужасов» на Кубе и Филиппинах желтая пресса Пулитцера и Херста. Верно, что идеологи экспансионизма немало потрудились, чтобы убедить общественное мнение США в том, что «божественное предназначение» («manifest destiny») предопределило вступление США в мировую политику, что этого требует престиж нации, «борьба за существование», «ответственность белого человека» за судьбу цветного населения колоний и т. д. Но идеология империализма возникла в США не сама по себе, а на базе коренных изменений в экономике, происшедших в конце XIX в. в связи с переходом домонополистического капитализма в монополистическую стадию. Что же касается расхождений, которые имели место между экспансионистами и деловым миром, то объясняются они только тем, что идеологи империализма в понимании интересов монополистического капитала ушли дальше, чем представители бизнеса. Что это было именно так, показала испано-американская война: наступление войны сразу резко улучшило конъюнктуру американской биржи, тотчас повысился курс акций, и многие из тех, кто раньше выступал против пропагандистов экспансии, теперь примкнули к ним и стали энергично проповедовать империализм.

Аналогично Пратту оценивает положение и Кемпбелл. В самой постановке темы Кемпбелл обнаруживает общую с Праттом тенденцию сводить роль и влияние экономических факторов к роли и влиянию отдельных деловых группировок. Но с другой стороны, подобный подход вполне соответствует противоположной Пратту концепции Бемиса, в семинаре которого, кстати сказать, Кемпбелл начинал работу над своей темой. Кемпбелл идет дальше Бемиса и видит одну из основных причин провоз-

²⁵ J. W. Pratt. *America's Colonial Experiment*, p. 21.

глашения доктрины «открытых дверей» в давлении деловых кругов. Но он подобно Бемису не выходит за рамки характеристики этих кругов как узкой группы лиц, заинтересованных в торговле с Китаем. Между тем даже содержащийся в его работе материал не подтверждает этого вывода и позволяет утверждать, что в экспансии на Дальнем Востоке были заинтересованы влиятельные круги монополистического капитала и, в частности, одна из ведущих его группировок — группировка Рокфеллера.

Что же касается роли «интеллектуальных» и «эмоциональных» причин, которым Пратт, а с ним и целый ряд других исследователей, отводят первостепенное значение, то необходимо отметить, что, во-первых, как уже говорилось, пропаганда идей экспансии не была чем-то самодовлеющим, а являлась объективным отражением глубоких экономических изменений, происходивших в Америке в конце XIX в. Во-вторых, следует решительно отклонить положение Пратта о том, что вступление США на путь империалистической экспансии имело в своей основе «радикальную перемену в позиции американского народа».

Американский народ был возмущен колониальным господством Испании на Кубе и Филиппинах, сочувствовал освободительной борьбе населения этих островов, а империалистическая пропаганда, спекулируя на этих настроениях, готовила общественное мнение США к войне. При помощи социальной демагогии пропагандистам экспансии удалось склонить на свою сторону значительную часть мелкой буржуазии, увлечь за собой руководство Американской Федерации труда, вставшее на путь агитации среди профсоюзной массы в пользу вооруженного вмешательства США в кубинские и филиппинские дела. Социалистическое движение в Америке того времени было слабым и к тому же игнорировало внешнеполитические вопросы, которые, как оно считало, не затрагивают интересов рабочих.²⁶ Всем этим и воспользовались сторонники экспансионизма для проведения активного курса во внешней политике. Однако это не дает основания подводить, как это делает Пратт, широкую социальную базу под политику американского империализма или говорить о поддержке империализма «большинством американского народа», как это делает, хотя и с оговорками, Бейли.²⁷

²⁶ См.: С. Фонер. История рабочего движения в США, т. II, М., 1958, стр. 495—511.

²⁷ Т. А. Bailey, ук. соч., стр. 524. Точно так же и Грисволд называет в числе причин, обусловивших аннексию Филиппин, «растущие империалистические настроения избирателей» (А. W. Griswold, ук. соч., стр. 26).

Таким образом, оба указанные направления — и то, которое пытается доказать неимпериалистический характер политики США и отсутствие в этой политике мотивов экономической эксплуатации Китая, и то, которое признает ее империалистический характер, — в конечном итоге сходятся на одной и той же принципиальной позиции — исключительности внешней политики США вообще и дальневосточной политики в частности.

К обоснованию этого тезиса сводится и конкретный анализ в американской буржуазной историографии самой доктрины «открытых дверей». Как известно, эта доктрина, с одной стороны, включила в себя требование «равных возможностей» в торговле, с другой — принцип административной и территориальной целостности Китая. Что касается требования «равных возможностей», то здесь доктрина «открытых дверей» продолжала традиционную американскую политику в защиту принципа «наиболее благоприятствуемой нации». Используя этот факт, американская буржуазная историография стремится доказать, что в то время, как для США их политика в Китае была политикой равенства и справедливости в международных отношениях, другие державы выступали ее принципиальными противниками. В своей работе «Америка лицом к лицу с Россией» Бейли объясняет расхождение между США и Россией по вопросу о политике в Китае тем, что России был одиозен сам принцип «открытых дверей».²⁸ На этом строит свое изложение и Деннет, который делит заинтересованные в Китае державы на две группы: одну — принципиальных сторонников «свободы торговли» (США, Англия и Япония); другую — ее принципиальных противников (Россия, Германия и Франция).²⁹ Рассматривая с этих позиций международные отношения на Дальнем Востоке, сторонники указанных взглядов возлагают главную ответственность за раздел Китая на Россию, присоединяя к ней Германию и Францию, поддержавших в апреле 1895 г. русскую дипломатию в демарше против захвата Японией в результате ее войны с Китаем 1894—1895 гг. Ляодунского полуострова.

Что касается оценки политики Англии и Японии, то она нередко сводится к оправданию захватнических действий этих держав. Так, например, известный специалист в области японо-американских отношений профессор Стенфордского университета П. Трит в своем стремлении оправдать политику Японии дошел до утверждения, что японо-китайская война 1894—

²⁸ T. A. Bailey. *America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to our Day*. N. Y., 1950, p. 177.

²⁹ T. Den nett, ук. соч., стр. 635, 640, ср.: P. Tompkins. *American-Russian Relations in the Far East*. N. Y., 1949, p. 18—19.

1895 гг., открывшая собой полосу попыток раздела Китая и, как это абсолютно установлено фактами, являвшаяся проявлением японской агрессии, возникла не по вине Японии, а по вине Китая.³⁰ «Невинной» Японию считает и Деннет.³¹ А Грисуолд и Винекке изображают политику Англии, которой, как известно, принадлежала ведущая роль в закабалении Китая, как оборонительную.³²

Оправдывая политику Англии и Японии в прошлом, американская буржуазная историография стремится обосновать современную политику США и их нынешние совместные действия с Англией и Японией на международной арене. Это особенно хорошо видно из сравнения уже упоминавшихся работ Кемпбелла с вышедшей в 1957 г. его новой работой об англо-американских отношениях на рубеже XIX—XX вв.³³ Если в основу первых был положен значительный материал, показавший экономическую подоплеку доктрины «открытых дверей», то в новой работе дело обстоит иначе. Профессиональный дипломат, сотрудник американского посольства в Лондоне, Кемпбелл и в этой работе остается верен своей концепции, указывая на самостоятельный, независимый от Англии характер политики США, и более того, стремится показать руководящую роль американской дипломатии. В то же время Кемпбелл подчеркивает, что на рубеже XIX—XX вв. США и Англия достигли взаимопонимания, которое послужило основой для нынешнего «тесного сотрудничества» этих держав.³⁴ Нужно думать, Кемпбелл совершенно сознательно исключает из рассмотрения вопрос об экономических взаимоотношениях Англии и США, которые характеризовались невиданным до того обострением противоречий на почве борьбы за мировые рынки, так как это полностью подрывает его концепцию. То же самое относится и к опубликованной (в связи с созданием НАТО) в журнале «Nineteenth century» за 1949 г. статье профессора Колумбийского университета Генри Комейджера. Комейджер пытается доказать наличие некой «англо-американской внешней политики», в которой доктрина Хэя поставлена в один ряд с Северо-Атлантическим пактом.³⁵ Аналогичные оценки можно встретить и

³⁰ P. Treat. The Cause of the Sino-Japanese War. «Pacific Historical Review», v. VIII, № 2, p. 157.

³¹ T. Dennett, ук. соч., стр. 497.

³² A. W. Griswold, ук. соч., стр. 53—54; H. M. Vinacke. History of the Far East in Modern Times, N. Y., 1950, p. 147.

³³ Ch. S. Campbell. Anglo-American Understanding 1898—1903. Baltimore, 1957.

³⁴ Там же, стр. V.

³⁵ H. S. Commager. American Character. Цит. по: E. N. Saveth, ed. Understanding the American Past. Boston—Toronto, 1954, p. 555.

в отношении Японии. Правда, наряду с этим в американской историографии существует достаточно сильное антияпонское направление, наиболее известным представителем которого является Ри Фостер Даллес. Но показательно, что если накануне и в период войны с Японией Даллес занимал резко антияпонскую позицию,³⁶ то этого уже нельзя сказать о его последних работах, в которых соответственно усилилась критика в адрес России.³⁷

Возвращаясь к вопросу о характере требования «равных возможностей», выдвинутого доктриной «открытых дверей», следует заметить, что, хотя факт наличия англо-американо-японской группировки не подлежит сомнению, нельзя согласиться с тем, что распределение сил капиталистических держав в Китае регулировалось их отношением к принципу «свободы торговли». Всем хорошо известно, что, выступая в пользу «свободы торговли», Англия держала на крепком замке свою «сферу влияния» — долину Янцзы, а Германия, оградившая себя исключительными правами в провинции Шаньдунь, была за «свободу торговли» в других областях Китая и в особенности в «сфере влияния» Англии. Даже Россия, интересам которой в силу ее экономической слабости более всего противоречило применение принципа «открытых дверей», прибегала к нему тогда, когда полученные другими державами от Китая привилегии ставили ее в неравное и экономически невыгодное положение. А главное — необходимо учитывать, что «свобода торговли», которой добились Соединенные Штаты, выступая с доктриной «открытых дверей», нужна была им не как голый принцип, а как средство завоевания гегемонии на китайском рынке. И в этом отношении была большая разница между тем, какой смысл имел для США принцип «наиболее благоприятствуемой нации» в середине XIX в., и тем, какой смысл приобрел он в конце века: тогда Соединенные Штаты выступали с позиций экономической слабости, а теперь с позиций экономической силы. И замысел инициаторов провозглашения доктрины «открытых дверей», несомненно, заключался в том, чтобы экономическим превосходством при условии «равных возможностей» компенсировать отставание США от других держав в военно-политическом отношении.

Если в оценке вопроса о «равных возможностях» в американской буржуазной историографии нет каких-либо заметных расхождений, то в отношении принципа административной и территориальной целостности Китая этого сказать нельзя. Ис-

³⁶ F. R. Dulles. 1) *America in the Pacific*; 2) *Forty Years of American-Japanese Relations*. N. Y.—London, 1937; 3) *The Road to Teheran. The Story of Russia and America, 1781—1943*. Princeton, 1945, и др.

³⁷ См.: F. R. Dulles. *America's Rise to World Power, 1898—1954*.

следователи расходятся в том, включала ли в себя доктрина «открытых дверей» этот принцип с самого начала, при ее провозглашении в сентябре 1899 г., или появление этого принципа было вызвано антиимпериалистическим восстанием в Китае 1900 г., и провозглашен он был только летом 1900 г. в так называемом «июльском циркуляре» США другим державам.

Наиболее распространенная версия заключается в том, что в своем первом обращении Соединенные Штаты предлагали державам лишь дать заверения относительно соблюдения «равных возможностей» в торговле с Китаем и вовсе не касались вопроса о территориальной целостности. Так, например, Грисволд, основываясь на меморандуме Рокхилла Хью от 28 VIII 1899, указывает, что США исходили из факта существования «сфер влияния» и выступали лишь за равенство условий торговли в пределах этих «сфер».³⁸ Пратт и Бемис особо подчеркивают, что вопрос об административной и территориальной целостности не затрагивался сентябрьскими нотами 1899 г. и был впервые поднят в июле 1900 г.³⁹

Между тем указанный вопрос имеет важное значение для общей оценки доктрины «открытых дверей» для определения сферы ее действия, а вместе с тем и той политической программы, которая была выдвинута этой доктриной с самого начала.

В 1924 г. советский историк Э. Гримм путем анализа самого текста американских дипломатических нот, посланных державам в сентябре 1899 г., установил, что принцип административной и территориальной целостности Китая с самого начала являлся составной частью доктрины «открытых дверей», а вместе с тем важным средством американской экспансии в Китае.⁴⁰ В 1928 г. в работе А. Денниса впервые были опубликованы материалы личного архива Рокхилла.⁴¹ В 1938 г., как уже отмечалось, появилась работа Грисволда, в которой материалы архива Рокхилла были представлены еще более широко. Хотя оба указанные автора давали отрицательный ответ по вопросу о включе-

³⁸ A. W. Griswold, ук. соч., стр. 74—75, 80.

³⁹ J. W. Pratt. History of the United States Foreign Policy, 438; S. F. Bemis, ук. соч., стр. 485—487. Оставаясь верным своему построению, Бемис стремился доказать влияние Англии и на июльское выступление США. Как бы подвергая сомнению самостоятельный характер американской дипломатической акции, Бемис пишет, что «это была также политика Великобритании, занятой тогда войной с бурами в Южной Африке».

⁴⁰ Э. Д. Гримм. Доктрина «открытых дверей» и американская политика в Китае (от 1899 до 1921—1922 гг.). «Международная жизнь», № 4—5, 1924.

⁴¹ A. Dennis. Adventures in American Diplomacy. (1896—1906). N. Y., 1928.

нии принципа административной и территориальной целостности Китая в сентябрьские ноты, приведенный ими материал давал новые аргументы для сделанных Гриммом выводов. Наконец, в 1953 г. была опубликована работа профессора Оклахомского университета Варга о Рокхилле, озаглавленная «Дипломат „открытой двери“». Приведенный Варгом материал из того же архива Рокхилла неопровержимо доказывает, что при формулировании доктрины «открытых дверей» последняя включала в себя вопрос о территориальной и административной целостности Китая. При этом особый интерес представляет тот факт, что выдвинул вопрос о территориальной и административной целостности Китая, как составной части доктрины «открытых дверей», именно Рокхилл, а не Хиппсли; более того, Хиппсли возражал против включения этого вопроса в число предложений державам. Под его нажимом Рокхилл согласился, что выступать открыто против существующих «сфер влияния» не имеет смысла и следует согласиться с ними как с «совершившимся фактом». Однако, не выступая против «сфер влияния» формально, Соединенные Штаты сделали это по существу, обращая внимание держав на необходимость «усиления императорского правительства и поддержания целостности Китая». «До сих пор часто просматривали, — пишет Ворг, — что (сентябрьские) ноты шли дальше, чем только одна попытка гарантировать свободу торговли. Рокхилл уже тогда сделал большой шаг к позиции, занятой государственным секретарем Хэем в июле 1900 г.».⁴² Но если американская буржуазная историография расходится в вопросе о том, включала ли в себя доктрина «открытых дверей» принцип территориальной и административной целостности Китая с самого начала, или это произошло позднее, то по вопросу о значении данного принципа и целях, которые преследовало его провозглашение, существует почти единодушное мнение. Американская буржуазная историография стремится подчеркнуть, что в то время, как другие державы стали на путь расчленения Китая и превращения его отдельных частей в своего рода полуколонии — «сферы влияния», Соединенные Штаты выступили в защиту целостности и территориальной неприкосновенности Китайской империи.⁴³ По утверждению Деннета и Денниса, политика США преследовала цель создания «сильных государств» в Азии.⁴⁴ Автор книги об американской политике в Маньчжурии Пан доказывает, что ин-

⁴² P. Varg. *Open Door Diplomats. The Life of W. W. Rockhill*. Urbana, 1952.

⁴³ См.: Pan Shu-lun. *The Trade of the United States with China*. N. Y., 1924, p. 45.

⁴⁴ A. Dennis, *ук. соч.*, стр. 173; T. Dennett, *ук. соч.*, стр. 680.

тересы США были «идентичны» с национальными интересами Китая.⁴⁵ При этом важно подчеркнуть, что точка зрения исследователей доктрины «открытых дверей», как правило, полностью совпадает с официальной трактовкой доктрины, и историки дальневосточной политики США нередко формулируют свою точку зрения прямо словами правительственных заявлений. Примером может служить Кемпбелл, монография которого открывается характеристикой доктрины «открытых дверей», взятой из публикации Государственного департамента США «Отношения Соединенных Штатов с Китаем», датированной 1949 г.⁴⁶

Показательно, что Варг, выдвинувший, подобно Кемпбеллу, новую для американской историографии точку зрения в вопросе о происхождении доктрины «открытых дверей», в общей оценке доктрины остается на старых позициях. Варг констатирует заинтересованность деловых кругов США в Китае, но отвергает возможность их влияния на Рокхилла, утверждая, что главным мотивом действий Рокхилла было его «восхищение» перед Китайской цивилизацией.⁴⁷ Разумеется, для доказательства влияния монополистического капитала на внешнюю политику нельзя считать обязательным всякий раз контакт между представителями деловых кругов и тем или иным чиновником государственного аппарата. Однако для эпохи империализма, как указывал В. И. Ленин, установление такого рода контактов является как раз характерным явлением, свидетельством сращивания государственного аппарата с монополиями. Вопреки утверждению Варга, пример с Рокхиллом может служить наглядным доказательством этого положения. Можно только удивляться тому, как мог Варг, тщательно изучавший архив Рокхилла, пройти мимо документов, свидетельствующих о связях Рокхилла с деловыми кругами. Это тем более удивительно, что материал об этом был опубликован в США за год до выхода в свет монографии Варга. Из опубликованных материалов архива Рокхилла стало известно, что этот американский дипломат, которого Теодор Рузвельт называл не иначе, как «автором и крестным отцом» дальневосточной политики США, находился в тесном контакте с деловыми кругами и при подготовке своего меморандума, положенного в основу дипломатических нот об «открытых дверях», консультировался с представителями Уолл-стрита.⁴⁸

⁴⁵ S. C. Pan, *American Diplomacy Concerning Manchuria*. N. Y., 1938, p. 57; A. W. Griswold, *ук. соч.*, стр. 6—7.

⁴⁶ Ch. S. Campbell, *ук. соч.*, стр. V.

⁴⁷ P. Varg, *ук. соч.*, стр. 29—30.

⁴⁸ Ch. S. Campbell, *ук. соч.*, стр. 54.

Для принципиальной оценки доктрины «открытых дверей» необходимо подчеркнуть, что обе ее части — требование «равных возможностей» и принцип «административной и территориальной целостности Китая» — были неразрывно связаны и что в их одновременном применении заключался смысл дипломатического выступления США.

Противопоставляя себя сторонникам раздела Китая, Соединенные Штаты рассчитывали добиться преобладающего влияния на Пекинское императорское правительство. Кроме того, а это, как правило, совершенно опускается при рассмотрении доктрины «открытых дверей», наряду с выступлением против «сфер влияния» смысл принципа административной и территориальной целостности Китая заключался также в сокращении прав местной провинциальной администрации в интересах сосредоточения всей власти в руках центрального Пекинского правительства. В результате державы не смогли бы действовать в обход Пекинского двора через провинциальную администрацию, как они это делали в ряде случаев раньше. А если бы удалось добиться, как рассчитывали США, преобладающего влияния на центральное правительство и использовать свое экономическое превосходство при условии «равных возможностей», то со временем Соединенным Штатам было бы обеспечено господствующее положение в Китае. Тогда это не могло еще входить в задачи «настоящего дня», но в перспективе обещало достижения поставленной цели.

Что касается действительного отношения США к суверенитету Китая, то для разъяснения этого вопроса лучше всего обратиться к точке зрения инициатора провозглашения доктрины «открытых дверей» Рокхилла. В своем меморандуме государственному секретарю Хэю от 28 августа 1899 г. Рокхилл высказывается против укрепления обороноспособности Китая, усиления его армии и флота. В одном из писем, относящихся ко времени переговоров с державами об «открытых дверях» в Китае, он писал: «Я искренне надеюсь, что мы сможем извлечь хорошую пользу из этого (доктрины «открытых дверей», — А. Ф.) не только для нашей торговли, но и для усиления Пекинского правительства так, чтобы оно не могло найти никакой возможности уклониться от выполнения всех своих обязательств перед договорными державами».⁴⁹

Как видно, доктрина «открытых дверей» была рассчитана на то, чтобы *сохранить* и *упрочить* зависимое положение Китая.

Действительный смысл предложения поддерживать административную и территориальную целостность Китая заключался

⁴⁹ P. V a r g, ук. соч., стр. 35—36.

в том, чтобы, с одной стороны, укрепить реакционное Пекинское правительство, а с другой, усилить его зависимое положение. В этом заключался специфический прием политики США, получивший в наше время свое развитие в таких, казалось бы противоположных, но по существу тесно связанных принципах политики США в Азии, как, с одной стороны, поддержание «самостоятельных» правительств типа «правительства» Чан Кай-ши на Тайване, Ли Сын-мана в Корее и Нго Дин-Дьема в Южном Вьетнаме, а с другой, развитие отношений со слабо-развитыми странами на началах так называемой «взаимозависимости», призванной служить средством подчинения этих стран Соединенным Штатам.⁵⁰

Американская буржуазная историография, как правило, обходит молчанием тот факт, что политика «открытых дверей» вела к консервации отсталых государственных форм, что стремление укрепить власть маньчжурской династии диктовалось в значительной мере интересами борьбы с революционным движением в Китае. Можно найти косвенное признание этого обстоятельства. Так, например, Бемис, желая доказать свой тезис, что провозглашение доктрины было «грубой ошибкой», говорит: «Ноты об „открытых дверях“ не предотвратили взрыва недовольства в Китае со стороны патриотических групп, возмущенных иностранной эксплуатацией и политикой императорского Маньчжурского правительства...».⁵¹ Аналогичное упоминание встречается у Варга. «Все то, над чем работал Рокхилл, — пишет он, — чего он стремился достигнуть нотами об „открытых дверях“ 1899 г., было поставлено под удар» (антиимпериалистическим восстанием, — А. Ф.).⁵² Но в целом американская буржуазная историография избегает такого рода постановки вопроса, мотивируя принцип административной и территориальной целостности стремлением защитить суверенитет Китая.

В своей оценке доктрины Хэя американские историки делают и критические замечания, но критика эта, как правило, носит лишь частный характер. Например, Пратт, указывая на непоследовательность политики Хэя, отмечает лишь, что в противоречии с провозглашением доктрины «открытых дверей» Соединенные Штаты ввели преференции на Филиппинах.⁵³

Но Пратт ничего не говорит о том, что в целом выступление с доктриной «открытых дверей» было нарушением принципа равноправия между государствами, поскольку, во-первых,

⁵⁰ Е. Жуков. Колониалистская политика США в Азии. «Международная жизнь», 1957, № 1, стр. 72—73.

⁵¹ S. F. Bemis, ук. соч., стр. 486.

⁵² P. Varg, ук. соч., стр. 39.

⁵³ J. W. Pratt. History of the United States Foreign Policy, p. 440.

Соединенные Штаты обращались к заинтересованным державам и обсуждали в обход Китая вопросы, затрагивающие его суверенитет, и, во-вторых, США не обеспечивали Китаю никаких взаимных выгод. Американская дипломатия требовала «открытых дверей» в Китае, но в Соединенных Штатах действовало законодательство, запрещающее иммиграцию китайцев, а также был введен высокий протекционистский тариф, инициаторы и сторонники которого прямо подчеркивали необходимость защиты от возможной конкуренции со стороны Китая. Этих вопросов касается в своей книге Бейли. Но, по мнению Бейли, политика «открытых дверей» «не имела никакого отношения к иммиграционной и тарифной политике Соединенных Штатов», так как последняя «чисто внутренняя проблема» США.⁵⁴ Бейли забывает, что для каждого суверенного государства указанные вопросы — «чисто внутренняя проблема», и что, если Соединенные Штаты брали на себя решение вопроса о том, на каких условиях Китай будет торговать с другими государствами, то они тем самым нарушали его суверенитет.

Показательно, что непосредственно вслед за приведенной оценкой, которую Бейли дает в заключительной главе своей книги, где подводятся общие итоги дальневосточной политики Соединенных Штатов, автор переходит к аннексии Филиппин, которую он характеризует как «случайную». Возражая затем японским критикам политики США, он пишет: «Никоим образом нельзя проводить параллель», как это делают японские историки, между захватом Панамы Соединенными Штатами и захватом Маньчжурии Японией.⁵⁵ Мы видели, что тот же самый тезис об особом характере внешней политики США, хотя и с несколько других позиций, пытается обосновать Пратт. Но и в том, и в другом случае тезис этот построен на одностороннем, тенденциозном рассмотрении вопроса, без учета всего имеющегося фактического материала.

Критикуя методы колониальной политики Японии и европейских держав, исследователи доктрины «открытых дверей» вслед за официальной дипломатией изображают политику США как лишенную каких бы то ни было «политических» расчетов и приводят это в качестве доказательства неколонизального характера американской политики.⁵⁶ На самом деле доктрина «открытых дверей» исходила лишь из намерения использовать

⁵⁴ Т. А. Bailey. *Diplomatic History of the American People*, p. 940.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ А. W. Griswold, *ук. соч.*, стр. 8. Правда, Грисволд оговаривает, что США оказались втянутыми в «политические отношения» с другими державами, но это касается лишь отношений с державами, а не политики в отношении Китая.

полуколоннальную зависимость Китая в интересах США, обеспечив американцам, в условиях их экономического превосходства, возможность вытеснить с течением времени остальные державы и добиться политического преобладания в Китае. В. И. Ленин указывает, что «финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости»⁵⁷ (колонии и полуколонии, — А. Ф.). Именно в этом заключался и смысл доктрины «открытых дверей».

Оценивая доктрину «открытых дверей», американская буржуазная историография непосредственно связывает этот вопрос с задачами сегодняшнего дня, с перспективами американской экспансии на мировой арене. Подводя итоги политики «открытых дверей», американские историки уделяют значительное внимание рассмотрению степени реальности и практической оправданности этой политики.

С конца XIX в. Китаю в планах американской экспансии отводилось место важного рынка сбыта товаров и капиталовложений. Однако практически ни тогда, ни впоследствии Китай не стал для Соединенных Штатов таким рынком; американская торговля с Китаем никогда не превышала 3—4% всей внешней торговли США, относительно небольшими были и капиталовложения. Этот факт занимает важное место при оценке итогов политики «открытых дверей». Одни, подобно стороннику «изоляционизма» Бемису, приводят его в качестве доказательства незаинтересованности США в китайском рынке и на этом основании делают вывод об ошибочности захвата Филиппин и выстуления с доктриной «открытых дверей», что в конечном итоге привело в 1941 г. к войне с Японией, которой в противном случае, по их мнению, можно было бы избежать.⁵⁸ Другие, как Бейли, тоже считают, что состояние американской торговли и капиталовложений в Китае за последние пятьдесят с лишним лет в значительной мере объясняется незаинтересованностью США в китайском рынке. Но с другой стороны, в отличие от Бемиса они не видят ошибки ни в захвате Филиппин, ни в последовавшем за тем провозглашении доктрины «открытых дверей» и, напротив, расценивают и то, и другое как важные шаги на пути превращения США в великую державу.⁵⁹

Оценивая результаты политики «открытых дверей», Бейли видит одну из основных причин ее неудачи в пассивном отно-

⁵⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 250.

⁵⁸ S. F. Bemis, ук. соч., стр. 486, 501—502.

⁵⁹ T. A. Bailey, Diplomatic History of the American People, p. 530—531, 940

шении общественного мнения США к торговле с Китаем. «Американский народ, — пишет Бейли, — никогда не испытывал желания бороться за равные коммерческие возможности в Китае, и это, вероятно, объясняет, почему политика „открытых дверей“ достигла таких небольших результатов». В качестве обратного примера Бейли ссылается на политику США в Латинской Америке и доктрину Монро, которая, по его словам, пользовалась «народной поддержкой». Такая позиция Бейли вытекает из его концепции относительно «сил и факторов», определявших внешнюю политику США и, в частности, из его положения о том, что американский народ сам «формировал свою внешнюю политику».⁶⁰

Американский народ действительно никогда не испытывал желания бороться за свободу торговли в Китае, но причину неудач политики «открытых дверей» следует искать совсем в другой сфере. Уже в ближайшие годы, вскоре после русско-японской войны 1904—1905 гг., Соединенные Штаты смогли убедиться в том, что недальновидно было с их стороны поддерживать Японию, ставшую уже тогда серьезным соперником США на Дальнем Востоке. В годы первой мировой войны Япония, воспользовавшись тем, что державы были заняты войной в Европе, добилась целого ряда существенных привилегий в Китае. Это привело тогда к резкому обострению японо-американских отношений, в результате чего Япония и Америка очутились на грани военного столкновения. Однако после окончания войны соотношение сил оказалось не в пользу Японии и на созванной в 1921 г. Вашингтонской конференции последняя вынуждена была отказаться от сделанных ею во время войны завоеваний и подчиниться условиям «Договора девяти держав», согласно которому она обязалась придерживаться в Китае политики «открытых дверей». Но «триумф Америки», как характеризовали тогда исход Вашингтонской конференции, оказался непрочным. Через 10 лет после подписания «Договора девяти держав» Япония вернулась на путь завоеваний, развязав войну против Китая, а еще через 10 лет совершила военное нападение на США.

Таким образом, объяснение неудач политики «открытых дверей» в Китае следует искать прежде всего в реальном соотношении сил на Дальнем Востоке. Что же касается приведенного Бейли сравнения с Латинской Америкой, то и там ход событий определялся исключительно реальным соотношением сил, а не мнимой поддержкой доктрины Монро общественным мнением. Обратное соотношение сил обусловило и обратный результат политики: почти монопольное положение США в Западном по-

⁶⁰ Там же, стр. 940. Ср.: T. Dennett, ук. соч., стр. 674.

лушарии позволило им добиться значительных успехов в Латинской Америке. Следует возразить Бейли и по поводу «незаинтересованности» США в Китае. Соединенные Штаты неоднократно пытались утвердиться в Китае. Но этому мешало противодействие других держав, которые не давали США возможности стать твердой ногой на китайском рынке. Реализации планов США мешало также развитие революционного движения. В этом и коренятся основные причины неудач американского капитала в Китае.

Подводя итоги дальневосточной политики США, Бейли критикует доктрину «открытых дверей» за несовершенство и отмечает, что после образования Китайской Народной Республики «Соединенные Штаты едва ли могут надеяться на равные возможности, как их мыслил себе Джон Хэй». «Открытые двери, — пишет Бейли, — поскольку это касается Китая, уничтожены потоком революционных перемен», тем самым невольно признавая, что политика «открытых дверей» несовместима с независимым революционным Китаем. Однако и в условиях казалось бы полного крушения колониальных планов США в отношении Китая Бейли предлагает продолжать и развивать политику создания военно-стратегических баз и плацдармов на подступах к Китаю. Правда, в своих конечных выводах Бейли придерживается компромиссной позиции. С одной стороны, он противник «изоляционизма», который, по его мнению, «уже отжил свой век» и является в наше время не более чем «несбыточной мечтой», но, с другой стороны, он и против чрезмерно резкого курса во внешней политике, так как это может привести к термоядерной войне, чреватой для Америки страшными последствиями.⁶¹ К точке зрения Бейли во многом примыкает Пратт. Он также является противником «изоляционизма» и также считает, что захват Филиппин и провозглашение доктрины «открытых дверей» соответствовали национальным интересам США. Однако в противоположность Бейли, причину неудач политики США в Китае и, в частности, доктрины «открытых дверей» Пратт видит прежде всего в том, что дипломатия США не поддерживалась достаточной военной силой. Как представитель откровенно империалистического направления в историографии, Пратт обращается к опыту политики «открытых дверей» для того, чтобы доказать необходимость решительных действий на международной арене. Пратт является наиболее последовательным сторонником политики «с позиции силы» и в своих выводах призы-

⁶¹ Т. А. Bailey. *Diplomatic History of the American People*, p. 940, 943—945. Следует оговорить, что, несмотря на свой «изоляционизм», Бемис пропагандирует борьбу с коммунизмом и поддерживает создание военных баз и блоков (S. F. Bemis, *ук. соч.*, стр. 968—970).

вает правительство США не останавливаться перед применением оружия для борьбы с СССР и коммунистическим движением во всем мире.⁶²

В заключение необходимо снова подчеркнуть, что хотя представители разных направлений в американской буржуазной историографии по-разному подходят к оценке доктрины «открытых дверей», все они, как правило, сходятся в стремлении доказать принципиально особый характер американской внешней политики. В условиях развала скомпрометировавшей себя колониальной системы и возросшего национально-освободительного движения в колониях, Соединенные Штаты выступают с позиций критики старого колониализма и выдвигают новые доктрины, при помощи которых они рассчитывают овладеть «наследством» старых колониальных держав. А американская буржуазная историография берет на себя задачу идеологического обоснования этой политики.

⁶² J. W. Pratt. History of the United States Foreign Policy, p. 440—441, 776—781.